

FINDROID

Будни работника гильдии

2



Findroid

Будни работника гильдии 2

«Автор»

2026

Findroid

Будни работника гильдии 2 / Findroid — «Автор», 2026

Меня зовут Сергей Ершов, но в этом мире меня называют Седрик Ёр, и как вы можете догадаться, я попаданец. Но в отличие от других попаданцев, я совсем не герой и мало что умею. Даже магия у меня так себе, но вот в бумажной работе я хорош, так что нашел себя в гильдии искателей приключений Серебряный грифон, где помогаю более удачливым авантюристам с поисками заказов и оплатой за них. И всё бы ничего, но в один прекрасный (нет) день гильдмейстер поручил мне приглядеть за проблемным отрядом, которые все называют "Отбитые из Арушина"...

Содержание

Глава 1. Пожар	5
Глава 2. Элементаль	10
Глава 3. Жареный хаотический ящер	16
Глава 4. Роберт Бирнен	23
Глава 5. Хафлингово семя	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Findroid

Будни работника гильдии 2

Глава 1. Пожар

В гильдию я теперь ходил с пистолетом на бедре.

За неделю после Фуфанов я к нему почти привык: к весу тяжелее блокнота и легче папки должника, к тому, как кобура цепляется за край стола, когда я неудачно поворачиваюсь, и к тому, как Марта каждое утро смотрит на эту кобуру с выражением матери, увидевшей у сына первую татуировку. Стрелять я учился во дворе гильдии, по бутылкам, и за неделю разбил четыре из семи. С таким темпом до уровня «стрелок» мне остаётся лет двенадцать, но держать в руках оружие было удивительно приятно. Все-таки я давно понял, что меч – это не моё, а с огнестрелом в этом мире было довольно грустно. Дорогой он.

Этот же пистолет был техномагическим и выталкивал пули из ствола не пороховым зарядом, а с помощью магии. Ею я владею, пусть и не очень хорошо, но направить в рукоять поток маны могу, а дальше оставалось только нажать на спусковой крючок. Более того, ствол как бы поворачивался, и в зависимости от того, какой стороной я его поверну, такой и стихией будет наполнена пуля.

Всего их было три варианта, если не считать безстихийного выстрела: огненный, ледяной и каменный. И если с огненным и ледяным все в целом было понятно, то вот чтобы разобраться с тем, какая разница между безстихийным и каменным выстрелом, пришлось долго повозиться. В итоге выяснил, что если я стреляю прямо в цель, то пуля обладает гораздо большей бронебойностью, а вот если пальнуть в землю, то в месте попадания вверх резко вырастали полуметровые каменные шипы.

Везунчика, кстати, в городе уже не было. Он сошёл с Овдовицы и на третий день после возвращения на материк уехал к себе в Полороссу с попутным обозом. У бывшего пиратского бухгалтера дома осталась старшая сестра и небольшой долг банковской конторы, по которому ему надо было рассчитаться. На прощание он поклонился отряду и сказал, что был счастлив встретить нас и ещё счастливее теперь от нас уйти. Сказано было без обиды, скорее, с глубоким облегчением. Я его понимал и сам был бы не прочь смотаться куда-нибудь подальше от Отбитых.

Чёрная Овдовица стоит в Финдальском порту, на платной стоянке. Гильдмейстер посмотрел на строку «содержание корабля» в моей смете, потом на меня, потом снова на строку и сухо уведомил, что временно гильдия возьмет на себя его содержание в порту, но пока совершенно непонятно, что с ним делать.

Жизнь к четвёртой неделе устаканилась. Гоблины по утрам, бланки после обеда, Бабай с Мусей вечерами. Бьёрн поселился на Овдовице, ходил в гильдию к обеду и обратно, уделяя все свое свободное время сирене, которая по последней информации так и не прониклась к мужчине симпатией и норовила откусить от него что-нибудь.

Консур пропадал в городе и по слухам занимался тем, что организовывал свой ночной клуб. Сами эти слухи вызывали у меня кучу вопросов, но времени на детальное их изучение у меня не было.

Гриша где-то отсутствовал каждый день, возвращаясь к ужину с обожжёнными рукавами и подозрительно довольной физиономией. Я как-то даже решил осведомиться, что там у него происходит, но ящер сослался на то, что это что-то личное.

И вот в самый обычный четверг, когда я читал очередной отчет одной из групп искателей приключений, которые столкнулись с минотавром, в комнату вломился Лерой.

— Седрик! На соседней улице пожар!

Я поднял глаза от отчёта.

На третьей странице автор уверял, что минотавр сам виноват, потому что «агрессивно стоял в коридоре». До этого момента я считал именно это главным событием дня.

Ошибался.

— Где именно?

— Улица Медников! — Лерой стоял в дверях, красный, взмыленный и явно довольный тем, что принёс настоящую катастрофу. — Там уже крыша горит! И ещё дом рядом занялся!

Марта, сидевшая у соседнего стола, медленно отложила перо.

— Кто поджёг?

— Не знаю!

— Кто виноват?

— Не знаю!

— Тогда зачем ты прибежал сюда?

Лерой открыл рот, закрыл и посмотрел на меня.

Ну да. Разумеется.

Я вздохнул, захлопнул папку и поднялся.

— Потому что если горит соседняя улица, то через десять минут может гореть наша. Марта, где ведра?

— У задней двери.

— Лерой, беги к колодцу и ори, что нужна цепь.

— Какая цепь?

— Людская, балда. Ведра передавать!

— А...

— И маги нужны! Водные маги!

— Попробую позвать...

Паренёк сорвался с места, едва не врезавшись в косяк.

Я машинально проверил кобуру, пистолет был на месте. От пожара он, конечно, поможет примерно как ложка от наводнения, но привычка уже появилась. Вооружённый бухгалтер звучит глупо, но живой вооружённый бухгалтер всё же лучше мёртвого обычного.

На улице уже пахло дымом. Не тем приятным дымком, который поднимается от жаровни с мясом, нет. Этот был густой, едкий, с привкусом горелой смолы, мокрой ткани и чужого несчастья. Над крышами тянулся серый столб, а с улицы Медников доносились крики.

Плохо. Очень плохо.

Я подхватил два ведра у задней двери и побежал.

Гильдия к пожарам относилась серьёзно. В Финдале дома строили в основном из камня, но крыши, перекрытия, лавки, склады и сараи горят прекрасно. А ещё люди любят хранить в подсобках масло, спирт, алхимическую дрянь и непонятные банки без подписей. Одна такая банка могла превратить обычный пожар в короткое, но яркое представление.

На соседней улице уже творился бедлам.

Горели три дома, один почти полностью, второй только крышей, третий пока дымился, но, судя по пляшущим искрам, собирается присоединиться к веселью. Люди бегали с ведрами, кто-то орал, кто-то плакал, кто-то пытался вытащить из дома сундук, который был явно тяжелее его самого.

Я остановился на секунду, быстро огляделся и понял главное: никто ничем не руководит.

Прекрасно. Просто замечательно.

— Ведра к колодцу! — заорал я, стараясь перекрыть треск огня. — Цепь от колодца к дому! Не толпиться у дверей! Детей назад!

На меня посмотрели человек десять.

Потом один мужик в кожаном фартуке крикнул:

— А ты кто такой?!

Хороший вопрос, очень своевременный.

Я достал из внутреннего кармана гильдейский жетон и показал ему.

— Гильдия! Если сейчас не начнёте слушать, через десять минут сгорите вместе с вопросами!

Поддействовало не на всех, но на достаточное количество людей. Несколько мужчин кинулись к колодцу, женщины начали оттаскивать детей, кто-то забрал у меня ведра и побежал в цепь. Удивительно, но иногда официальный жетон работает почти как магия.

Я подбежал к дому, который горел сильнее остальных. Дверь была выбита, изнутри валил дым. У входа металась пожилая женщина.

— Там Олин! Мой Олин там!

— Кто такой Олин?

— Внук!

Я сделал шаг к двери и тут же отшатнулся. Жар ударил в лицо так, словно меня пытались засунуть в печь. Внутри что-то рухнуло, посыпались искры.

— Где он был?

— На втором этаже! В комнате у лестницы!

Второй этаж, комната у лестницы. Дом уже трещит.

Отлично, Седрик, просто лучший четверг месяца.

Я посмотрел на окна. Одно на втором этаже было выбито, оттуда валил дым, но пламени пока не было. Значит, шанс есть. Маленький, глупый и совершенно не нравящийся мне шанс.

— Лестницу! — крикнул я. — Нужна лестница к окну!

— Есть в мастерской! — отозвался кто-то.

— Тащите!

Я сорвал с ближайшей верёвки мокрую простыню, которую, видимо, кто-то вынес из дома, и намотал на лицо. Воняло гарью и мылом.

Лестницу притащили быстро. Двое мужиков прислонили её к стене, и я полез вверх, стараясь не думать, что если крыша сейчас провалится, то в отчёте Марта напишет сухое: «Седрик Ёр, сгорел по глупости».

На втором этаже дым был плотнее. Я разбил остатки стекла локтем, забрался внутрь и тут же присел. Внизу воздух был чуть чище.

Чуть.

— Олин! — крикнул я, тут же закашлявшись. — Где ты?!

Ответа не было.

В комнате стояла кровать, шкаф и перевернутый стул. На полу валялась деревянная лошадка. Ребёнка не видно.

Проклятье.

Я опустился ниже, увидел маленькую руку под кроватью и с облегчением выдохнул. Нашелся, негодник. Мальчишка лежал на боку, зажав лицо рукавом. Лет шесть, не больше. Живой или нет, не понять. Я схватил его за плечо, вытащил, прижал к себе и потащил к окну.

В этот момент пол под ногами просел. Несильно, всего на пару пальцев, но этого хватило, чтобы я понял – пора уходить.

— Держите! — крикнул я вниз и передал мальчишку первому мужику на лестнице.

Тот забрал ребёнка. Я уже собирался лезть следом, когда за спиной что-то гулко ухнуло.

— Седрик! — крикнули снизу. — Вылезай!

Да уж. Отличная мысль.

Я шагнул к окну, но пол подо мной хрустнул и провалился.

На мгновение я увидел первый этаж. Пламя, дым, рассыпанные балки и красную пасть огня прямо под ногами.

Потом меня ударило о край пролома, я успел вцепиться пальцами в доску и повис.

Вес пистолета на бедре внезапно стал очень заметным.

— Ну конечно, — прохрипел я.

Доска закрипела. Я подтянулся, но пальцы соскальзывали. Жар снизу бил в лицо, рукав начал дымиться. Где-то справа затрещала стена.

А потом снаружи раздался знакомый рёв:

— СЕДРИК, ЛОВИ ДРУГА!

Что?

В окно влетел Бабай, проломив плечом остатки рамы, словно это был не дом, а тонкая бумажная декорация. Орк ухватил меня за воротник и одним рывком выдернул вверх.

Мир качнулся. Я ударился спиной о пол, закашлялся и устоял на него.

Бабай был без шлема, в расстёгнутой рубашке, с флягой на поясе и выражением лица человека, которого вытащили из очень важного запоя.

— Ты что тут делаешь? — спросил я.

— А не видно? Тебя спасаю, командир, — осклабился орк. — Хреново будет, если ты тут сгоришь.

— Действительно... — пришлось с ним согласиться. — Вниз нельзя, пол рушится.

— Тогда наружу.

Бабай схватил меня под мышку.

— Нет, стой, я сам могу...

Но орк уже прыгнул в окно.

Следующие несколько секунд я запомнил плохо. Мир превратился в дым, воздух, чужую ругань и очень твёрдую землю. Когда я наконец понял, что жив, Бабай уже ставил меня на ноги.

— Хорошо полетели, — довольно сказал он.

— Я ненавижу вас всех.

— Это потому, что ты ещё не выпил.

Рядом стояла Лалуна и выглядела так, словно пожар оскорблял её эстетические чувства самым фактом существования. Серебристые волосы были собраны на затылке, в руках лук, лицо скучающее.

— Он жив? — спросила она.

— К сожалению, да, — прохрипел я.

— Жаль. Был бы повод закончить рабочий день.

С другой стороны улицы бежал Анкурик. Вокруг его пальцев уже сияли фиолетовые лезвия.

— ПСИБЛЕЙДЫ ПОМОГУТ!

— Нет! — крикнули мы с Лалуной почти одновременно.

Анкурик обиделся так сильно, что едва не споткнулся.

— Псиблейды помогают всегда!

— Последний раз ты ими разрезал несущую балку, — напомнил я.

— Она подозрительно смотрела.

— Это была балка.

— Тем более!

Я хотел ответить, но дом за спиной вдруг вздрогнул.

Не рухнул, именно вздрогнул.

Сначала я решил, что это от жара лопнули балки, но потом земля под ногами едва заметно дрогнула, и из окон горящего дома вырвалось пламя. Не языки огня, нет. Целые руки.

Они ухватились за края оконных проёмов.

Толпа разом отпрянула.

Огонь начал собираться, стягивался к центру дома, словно втягивал сам себя. Пламя с крыши, со стен и балок рвануло внутрь, и на несколько ударов сердца стало почти темно.

Потом дом разорвало.

Не взрывом. Скорее, его выдавило изнутри.

Крыша раскрылась, как прогнившая коробка, стены треснули, и из завалов поднялось нечто огромное, горящее и крайне недовольное. Человеческий силуэт, но раза в четыре выше Бабая. Плечи из пламени, руки до земли, вместо лица раскалённая маска с двумя белыми провалами глаз.

Огненный элементаль.

Большой.

Очень большой.

Я медленно выдохнул.

— Ненавижу четверги...

Глава 2. Элементаль

Первым делом элементаль потянулся, именно так это выглядело.

Огромная огненная фигура расправила плечи, повела руками, и по улице прокатилась волна жара, от которой у меня затрещали брови. Ближайшая толпа мгновенно перестала быть толпой и стала забегом. Кто-то бросил ведро. Ведро я запомнил отдельно, потому что оно покатилося мне под ноги, полное, и расплескало воду совершенно зря.

— НАЗАД! — заорал я, пятясь назад. — ВСЕ НАЗАД!

Элементаль тем временем сделал первый шаг.

Мостовая под его ногой вспыхнула. Не загорелась, а именно вспыхнула, камень зашипел и потемнел, словно по нему провели гигантским утюгом. Тварь повернула раскалённую маску, и два белых провала глаз прошли по улице.

Пожилую женщину с Олином на руках кто-то уже утаскивал за угол. Мальчишка кашлял, а значит, был в порядке, ну по крайней мере живой, что уже хорошо. Главное – чтобы после его показали медикам.

— Бабай!

— Вижу, — прогудел орк рядом. Он уже снял флягу с пояса и передал её Лалуна, что у Бабая означало высшую степень серьёзности. — Здоровый какой.

— Сами справимся?

— А Фин его знает, — пожал орк плечами. — Здоровенный, гад, ещё и стихией вокруг отожрался. Сюда бы пару водных магов, но судя по тому, что никто магией огонь не тушит, дела с ними у нас плохи.

Бабай тем временем взял в одну руку символ Спотыкающегося бога, начав зачитывать короткую литанию, а во вторую – свой любимый кистень. Латунный обод засветился мутным золотом, и вокруг орка раздвинулась невидимая сфера. Я не видел её глазами, я видел её по жару, который вдруг перестал давить с той стороны, где стоял Бабай.

— Да защитит нас Спотыкающийся бог от пламени зловердного, — буркнул орк под конец, и это сияние перетекло и на нас, закрывая защитной магией.

— Аура сдержит жар, — сказал он. — Минут на пять меня хватит, потом сяду пить.

— Тогда укладываемся в пять.

Лалуна уже стояла на перевёрнутой телеге с луком в руках. Она выпустила первую стрелу раньше, чем я успел что-то сказать. Стрела вошла в огненный корпус и исчезла. Не воткнулась, не отскочила, а просто перестала существовать, оставив после себя короткий белый дымок.

Лалуна опустила лук и посмотрела на этот дымок.

— Он сжёг мою стрелу.

— Лалуна...

Вторая стрела. Тот же дымок.

— Он сжёг вторую мою стрелу.

— Лалуна, они же деревянные...

— Всё, — сказала эльфийка ровным голосом, от которого мне стало холодно даже на этой улице, — теперь это личное.

— Стрелы не работают! — тут уже рыкнул Бабай. — Лучше найди мне ядро, чтобы вмазать хорошенько! У таких тварей оно всегда уязвимое место.

— Уже ищу.

Элементаль сделал второй шаг и потянулся рукой к нетронутому дому через улицу. Рука у него была длинная, до земли, и от неё вспыхнул деревянный навес. Пожар распространяется, и это очень плохо. Кое-кто из горожан все еще делает попытки потушить окружающие дома, но все это тщетно, если мы не “загасим” элементалья.

И тут на улицу вылетел Анкурик.

— ПСИБЛЕЙДЫ ПОМОГАЮТ ВСЕГДА!!!

— Анкурик, СТОЙ!.. — начал я и осёкся.

Полуэльф проскочил прямо под ногами у порождения огненной стихии, и фиолетовые призрачные клинки действительно проникли сквозь огонь и, кажется, даже нанесли монстру урон. По крайней мере, существо, получив пару таких тычков, попыталось раздавить Анкурика пылающим кулаком. Огненная рука хлестнула по мостовой там, где полуэльф стоял полсекунды назад. Брусчатка брызнула искрами, Анкурик перекатился, ушёл за колодец, и колодезный ворот над ним вспыхнул, как спичка.

— Да с тобой даже хафлинги бы справились! — весело отсалютовал полуэльф, играючи уходя из-под удара.

Пора было вступать мне.

Я вытащил револьвер. Рукоять легла в ладонь, тяжёлая, ждущая. Я направил в неё поток маны, как учился всю неделю на бутылках, и почувствовал, как оружие отозвалось: по костяной рукояти прошло тепло, руны налились слабым светом. Ствол под моими пальцами был повернут на какую-то из стихий, и в горячке я даже не проверил, на какую.

Времени проверять не было. Элементаль как раз занёс руку над колодцем с Анкуриком.

Я прицелился в огромную спину и нажал на спуск.

Грохнуло. Отдача рванула ствол вверх, из дула вылетела пуля, окутанная рыжим сиянием, и вошла элементалю между лопаток.

Рыжим сиянием.

Огненная пуля.

Тварь на секунду замерла. По её спине от места попадания разошлись волны, как круги по воде, и элементаль стал на полголовы выше. Пламя его загудело гуще и довольнее. Он обернулся ко мне, и в белых провалах глаз я прочитал что-то похожее на благодарность.

— СЕДРИК! — взревел Бабай. — ТЫ ЕГО КОРМИШЬ!

— Я ЗАМЕТИЛ!

— НЕ КОРМИ ЕГО БОЛЬШЕ!

— ДА Я И ПЕРВЫЙ РАЗ НЕ СОБИРАЛСЯ! — ответил ему в той же манере, поворачивая ствол оружия в другое положение. Тц, мой прокол, это ж надо было забыть поменять режим стрельбы.

Механизм провернулся с сухим щелчком, руны сменили цвет с рыжего на голубой, и по пальцам потянуло холодком. Вот теперь правильно. Элементаль уже шёл ко мне, и шёл быстро, оставляя за собой дымящиеся следы в камне.

Второй выстрел я сделал с пяти шагов, целясь в центр груди.

Голубая пуля вошла в пламя и лопнула. Изнутри твари ударило белым, по огненному корпусу расплзлась ледяная корка размером с тележное колесо, и элементаль заорал своим стеклянным голосом уже всерьёз. Он осел, уменьшился на четверть и замолотил руками по собственной груди, сбивая лёд как человек сбивает пчелу.

Вот, совершенно другое дело!

Корка продержалась секунды три и испарилась. Но эти три секунды тварь занималась собой, а не нами, и за эти же три секунды Бабай успел подойти на дистанцию удара.

Я видел, как Бабай молится, видел в тёмной бухте, как он держит удары, но божественную кару вблизи я видел второй раз в жизни, и привыкнуть к такому нельзя.

Орк выдохнул, поднял символ, и с ясного вечернего неба в элементаль ударила молния. Не метафорическая, обычная такая, белая, с треском разорванного полотна. Она вошла твари в плечо, и плечо просто погасло, как задутая свеча, и рука ниже плеча осыпалась дождём гаснущих искр.

— ВО СЛАВУ СПОТЫКАЮЩЕМУСЯ! — рявкнул Бабай и добавил кистенём в то место, где у элементаля предполагалось колено. — НА СНИЗОЙДЕТ НА ТЕБЯ ВИНО СВЯЩЕННОЕ! И ДА ПОТУШИТ ОНО ПЛАМЯ ТВОЁ!

Тварь пошатнулась, но устояла. Оставшейся рукой она хлестнула сверху, и Бабай принял удар на символ. Золотая аура выдержала, но орка вбило в мостовую по щиколотки, и я услышал, как он крикнул.

— Ядро! — крикнула Лалуна с телеги. — Вижу ядро! В груди, левее середины, светится белым! Оно опускается, когда он бьёт!

— Насколько опускается?

— На локоть! Ему нужно опереться огнём вниз, чтобы ударить!

Я не понял механику, но мне и не нужно было. Мне нужна была бухгалтерия: удар твари стоит ей опускания ядра. Значит, каждый её удар – это окно.

— Бабай! Заставь его бить!

— ЛЕГКО!

— Анкурик, по левой стороне груди, когда он замахнётся!

— ПОНЯЛ!

— Лалуна, командуй окном!

— Принято.

Оставался я. У меня в стволе было ещё две стихии, и одну из них я до сих пор не пробовал в деле. Я крутанул механизм на два щелчка. Руны налились тяжёлым серым, и рукоять словно потяжелела вместе с ними.

Каменный выстрел.

Бабай тем временем работал наживкой, и работал вдохновенно. Он ходил перед элементом, размахивал кистенём, оскорблял тварь на орочьем и один раз, кажется, на языке, которого я не знал, но интонацию понял. Элементаль замахивался, Бабай уходил под ауру, мостовая страдала.

— ЗАМАХ! — крикнула Лалуна.

Анкурик метнул веер лезвий в открывшуюся грудь. Пламя разошлось, потемнело, и на один удар сердца я увидел ядро сам: белый раскалённый шар размером с голову, висящий в огненной туше как желток в яйце.

Я выстрелил в землю.

Не в тварь, в мостовую под ней, точно между её огненных опор. Серая пуля вошла в камень, и камень взорвался вверх. Из брусчатки с хрустом выросли шипы в полметра высотой, кривые, острые, целый частокол, и элементаль, заканчивающий замах, наступил прямо в него.

Опоры у него разъехались.

Четырёхметровая туша живого огня сделала то, чего от неё не ждал никто, включая, по моему, её саму: она споткнулась. Взмахнула единственной рукой, теряя равновесие, и грохнулась боком на мостовую, подняв тучу искр.

Бабай медленно повернул ко мне голову.

— Седрик.

— Что?

— Ты заставил огненного элементаля споткнуться.

— Получилось случайно.

— Мой бог, — сказал орк с глубоким чувством, — только что благословил твой пистолет. Я это утверждаю как паладин. Спотыкающийся не мог пройти мимо. ЗА ЭТО НАДО ВЫПИТЬ!

— Потом, Бабай! Потом!

— Да-да, конечно! — немного посерьёзnel он.

Возможно, он был прав. Проверять теологию было некогда: упавшая тварь была уязвима, и все это поняли одновременно. Анкурик всадил в открытую грудь четыре лезвия подряд.

Лалуна, забыв про сгоревшие стрелы, метнула нож, и нож вошёл рядом с ядром раньше, чем успел загореться. Бабай добежал, поднял символ, и вторая молния ударила лежащего.

Я крутанул ствол обратно на лёд и выстрелил в грудь, потом ещё раз.

После второго выстрела у меня потемнело в глазах. Мана уходила в рукоять, как вода в песок, и колени наемкнули, что у бухгалтеров есть предел. Я устоял, а элементаль нет.

Он начал сжиматься.

С каждой секундой тварь теряла себя. Четыре роста Бабая превратились в два, два – в один. Огненный великан стёк до размера человека, потом собаки, и то, что осталось, отползло от каменных шипов к стене сгоревшего дома. Там оно и замерло: огненный комок размером с кошку, дрожащий, тусклый, с бледным ядром, просвечивающим сквозь пламя как свечка сквозь ладонь.

Улица медленно выдыхала. Цепь с ведрами добивала крыши. Тощий водный маг из управы, которого привёл Лерой, поливал дымящиеся шипы и смотрел на нас круглыми глазами. Лерой стоял рядом с пустым ведром и лицом человека, который завтра будет рассказывать это всей гильдии, добавляя подробности.

Я подошёл к огненному комку.

Вблизи он выглядел почти жалко. Пламя его стало прозрачным, ядро пульсировало часто и мелко, как сердце пойманной птицы. Комок вжался в обгорелую стену и смотрел на меня. Глаз у него не было, смотрел он всем собой.

Я поднял револьвер и проверил ствол. Голубые руны. Лёд. Одного выстрела в упор ядру должно было хватить.

— Добивай, — сказал Бабай за моей спиной, — а то ещё наберется сил и опять полгорода спалит.

Я направил в рукоять остатки маны. Прицелился. Комок сжался ещё сильнее.

Палец лёг на спуск.

— НЕ НАДО!!!

Между мной и элементом возникло тело.

Маленькое, чешуйчатое, с растопыренными лапами и обожжёнными рукавами. Оно возникло из ниоткуда – я готов поклясться, что секунду назад улица была пуста – и заслонило собой огненный комок целиком, благо размеры позволяли.

— ОНА МОЯ! — заорал Гриша. — НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В НЕЁ! ОНА НЕ СПЕЦИАЛЬНО!

— Гриша?! — опешили мы все.

— Тц... Всего лишь ящерица, — досадливо сплюнул Анкурик. — А я уже готовил психически бледны для...

Мы уже не слушали.

— Гриша.

— Начальник.

— Ты стоишь между заряженным пистолетом и стихийной тварью.

— Я ЗНАЮ!

— Подвинься.

— НЕ ПОДВИНУСЬ!

Огненный комок за его спиной шевельнулся, подкатился ближе и прижался к Гришиной ноге. Прижался, как прижимается кошка. Гриша, не оборачиваясь, опустил лапу. Комок ткнулся в неё, и пламя вокруг ладони ящера даже не подумало жечь чешую.

Улица молчала. Бабай молчал. Лалуна на телеге опустила лук. Анкурик застыл с полусформированным лезвием, и лезвие тихо растаяло.

Первым тишину нарушил Бабай.

— Гриша.

— Что?

— У тебя усы.

Пауза.

— Я знаю, — с достоинством сказал Гриша.

— Фиолетовые.

— Я В КУРСЕ, БАБАЙ, — удивительно грубо огрызнулся ящер, причем у него даже голос в этот момент будто бы поменялся. — И я горжусь этими усами!

Усы действительно были: две тонкие фиолетовые нити над верхней губой ящера, изящно загнутые на концах, совершенно неуместные на чешуйчатой морде и оттого гипнотизирующие. Неделию назад их не существовало. Я смотрел на них и чувствовал, как мой список вопросов пополняется быстрее, чем я успеваю его вести.

— Так, — сказал я, — давай по порядку. Первое: «она». Почему ты называешь элементаря «она»?

— Ну... потому что это «она». Искорка!

— Она сожгла три дома, Гриша.

— Она не специально! — Ящер прижал комок к груди, и тот засветился ровнее. — Она испугалась! Она осталась одна, я отлучился, а тут темно, чужой город, она маленькая ещё...

— Маленькая... — повторил я. — Гриша, полчаса назад она была вчетверо выше Бабая.

— Это от стресса! Она правда не специально, просто у неё природа такая. Вон у Бабая природа – пить как не в себя, но ему никто и слова не говорит.

— Я постоянно говорю, — не согласился с ним.

Бабай подошёл ближе и присел на корточки, разглядывая комок. Комок из Гришиных лап посмотрел на орка. Бабай понюхал воздух своим паладинским носом, и брови его поползли вверх.

— Не тварь, — сказал он медленно. — То есть тварь, но... привязанная. Начальник, между ними нить. Я такое чуял только у колдунов с их питомцами. Она к нему привязана, как лодка к причалу.

— Гриша, откуда ты вообще эту штуку взял?

— Это не штука, и вообще у неё имя есть. Говорю же, Искорка! Моя милая маленькая Искорка. Вместе мы ограбим вон тот банк однажды... Угу... Угу... Обязательно!

И лишь после этой милой, если не считать сожженной улицы сцены, ящер посмотрел на меня, на Бабая, на Лалуну, которая уже спустилась с телеги и подходила с тем выражением лица, с каким она обычно проверяла Гришины карманы. Посмотрел на Анкурика, на Лероя с ведром, на тощего водного мага, на дымящиеся руины трёх домов и на толпу горожан, которая потихоньку стягивалась обратно, потому что бесплатное представление продолжалось.

Гриша сглотнул.

— Это долгая история, начальник.

— А мы никуда не торопимся.

— О, пожалуй, об этой истории я могу поведать вам, — раздался голос неподалеку, и мы синхронно повернули головы.

Прямо к нам направлялся уже седовласый, но достаточно крепкого вида маг с крайне надменным взглядом. Он поднял руку, щелкнул пальцами, и внезапно огонь на всей улицы резко потух, словно бы его и не было.

— А вы ещё кто? — спросил я.

Гриша тем временем схватил Искорку и попытался дать деру. Повезло, что Бабай среагировал и вовремя успел ухватить ящера за шиворот, не позволив улизнуть.

— Нет-нет-нет-нет! Только не он, только не он! Пожалуйста! Куда угодно, только не к нему! — причитал он.

Маг тем временем остановился неподалеку от нас и улыбнулся крайне холодной, презрительной улыбкой.

— Хочу представиться. Роберт Бирнен собственной персоной.

Глава 3. Жареный хаотический ящер

Дело было так.

За две недели до пожара Гриегссашшихх из рода Гриегссашшихх работал на улицах, как делал это много раз до и планировал делать много раз после.

Работа у него была тонкая, древняя и глубоко недооценённая обществом. Общество называет её воровством. Гриша называет её перераспределением ликвидности и в глубине души считает себя чем-то средним между ювелиром и налоговой службой. Брал он только у тех, кто мог себе многое позволить, и определял платёжеспособность на глаз, с точностью, которой позавидовал бы Боргман.

Утро на рыночной площади выдалось урожайным. Толстый торговец тканями расстался с кошельком, даже не прервав торга. Приезжий господин в бархате пожертвовал на нужды бедных, сам о том не подозревая. Третий кошелёк, снятый у зазевавшегося стражника, оказался пустым. Гриша поколебался, положил в него медяк и вернул на место из профессиональной солидарности. Бедность он уважал, он сам в ней вырос.

К полудню ящер устроился в Ржавом якорё, портовой таверне средней паршивости, где подавали жареную рыбу и не задавали вопросов. Он как раз пересчитывал утреннюю выручку под столом, когда на стул напротив опустился незнакомый человек.

Тип этот был мутным, Гриегссашшихх сразу это понял, и потому он ему понравился. Гриша определял мутность мгновенно, этим чутьём он зарабатывал на жизнь.

У человека были длинные ухоженные усы, острая бородка эспаньолкой и глаза того особого оттенка честности, каким смотрят люди, продающие карту сокровищ, нарисованную сегодня утром. Одет он был дорого, но неприметно, и сел так, что видел обе двери сразу.

— Гриегссашшихх из рода Гриегссашшихх? — вежливо спросил он.

Гриша поперхнулся рыбой. Его полное имя знали четыре человека в городе, и трое из них были стражниками.

— Смотря кто интересуется.

— Арман Плут, — человек чуть наклонил голову, — к вашим услугам.

— Плут.

— Арман Плут, — протянув вторую “а” в имени поправил человек.

— Так я так и сказал, мистер... Плут.

— Нет-нет-нет, не мистер Плут, не Плут, только Арма-а-ан Плут.

— А это имя или профессия?

— Это фамилия, и старинная, — человек разгладил ус. — Мои предки были честнейшими людьми. Фамилия им досталась по иронии, поэтому они всегда назывались исключительно полным именем. Я следую их примеру.

Гриша решил, что человеку с такой фамилией либо нельзя верить совсем, либо можно верить полностью, потому что жулик взял бы себе имя попримечнее. Вторая мысль показалась ему логичнее. Забегая вперёд, скажем, что логика в тот день работала против него.

— Я ищу специалиста, — продолжил Арман, понизив голос ровно настолько, чтобы разговор стал доверительным, но не подозрительным. — Умелого, аккуратного, имеющего подход к магическим вещцам.

— Магические вещицы обычно дорого стоят, — согласился Гриегссашшихх.

— Именно!

— А почему я?

— Мне рекомендовали вас.

— Кто?

— Люди.

— Какие?

— Осведомлённые.

Ответ был мутный, как и всё остальное, но Гриша слушал дальше, потому что слово «специалист» приятно грело самолюбие. Специалистом его ещё никто не называл, обычно кричали: «Держи ящера».

Дело, по словам Армана, было простое: за западной заставой, на пустошах, стоит башня одного мага. Маг в ней давно не живёт, он ушел в другой мир.

— Земля ему стекловатой, — буркнул Гриегссашшихх.

Арман Плут на этом как-то странно дернул щекой, но перечить ящеру не стал.

— Башня стоит пустая уже давно, и в ней осталась одна книга – гримуар. Мне он нужен. Толстый том, переплёт тёмный, на обложке ничего не написано. Вы его узнаете, он там один такой, на постаменте, в верхнем зале.

— А чего сами не сходите, раз пусто?

— Возраст, увы, не тот. Тут нужен кто-то ловкий, юркий и полный жизни, а у меня уже колени болят.

— Колени, значит...

— Да, однажды я решил украсть сладкий рулетик у одного стражника, и мне их прострелили, сразу оба.

— Кхм...

— Да-да, глупо с моей стороны, но с тех пор я отошел от роли взломщика и предпочитаю сводить одних интересных людей с другими интересными людьми.

— Ну я вообще-то не человек.

— Это образно, — Арман едва не закатил глаза.

Гриша пожевал губами. Дело пахло скверно, а скверно пахнувшие дела он обычно обходил стороной, если только они не пахли одновременно золотом.

Арман, словно прочитав это по чешуе, вынул из-за пазухи мешочек и поставил на стол. Мешочек сел с тем глухим обстоятельным звуком, с каким садится только золото.

— Задаток, — сказал Арман. — Пятьдесят. А по доставке я заплачу вам столько золота, сколько вы весите сами.

Гриша замер.

Где-то в глубине его души скепсис поднял голову, открыл рот и хотел что-то сказать, но его уже не слушали. В Гришиной голове стучали весы, и на одной чаше сидел он сам, а на другую всё сыпалось, сыпалось и сыпалось.

— Взвешивание в одежде? — хрипло спросил он.

— В одежде.

— С сапогами?

— С сапогами.

— По рукам.

Они ударили по рукам. Ладонь у Армана была сухая и прохладная, как у менялы. Уже выходя из таверны, Гриша заказал себе двойную порцию рыбы, тройную – каши и всё сало, какое было на кухне. С этого дня Гриегссашшихх из рода Гриегссашшихх начал есть за троих. Это была не жадность, это была инвестиция в собственный вес, и ни одно вложение в его жизни не казалось ему таким надёжным.

— Стоп, — воскликнул я. — Ты всерьёз поверил человеку, которого зовут Арман Плут?

— Он казался честным малым...

— Гриша..

— У него были усы! Ухоженные! Кто с такими усами врёт?!

Я закатил глаза и молча закрыл лицо ладонью. Гриша расценил это как разрешение продолжать.

Артефакт Арман выдал на следующий день на том же месте.

Это был латунный компас размером с ладонь, тяжёлый, тёплый, со стрелкой из тёмного стекла. Стрелка не показывала на север, стрелка вообще не интересовалась севером, она лениво плавала по кругу, как рыба в миске. В крышку компаса была вставлена мутная линза.

— Дойдёте до пустошей, уважаемый Гриегссашшихх, и стрелка начнет указывать на башню, — объяснил Арман. — Её простым глазом не увидеть, она укрыта, и чтобы найти вход, нужно смотреть вот через эту линзу.

— А ловушки компас не отметит? — заинтересовался Гриша.

— Увы, только самую башню, но уверен, что с вашим опытом это не станет большой проблемой.

До пустошей ящер добрался к вечеру следующего дня. Стрелка ожила за заставой, развернулась и потянула на северо-запад, через бурьян и битый камень. Место было гиблое, пустое, из тех, где даже вороны летают по краю. Через час ходьбы стрелка встала намертво, указывая на совершенно пустой холм.

Гриша поднял компас и посмотрел сквозь линзу.

На холме стояла башня.

Она была тёмная, узкая и неправильная. Гриша не сразу понял, что именно в ней не так, а когда понял, пожалел. Снаружи в башне было четыре этажа. Окон при этом шло шесть рядов, и ряды не совпадали друг с другом, словно окна прорезали в разные дни разные люди, не разговаривавшие между собой. Верхушка башни чуть заметно не совпадала с низом, как крышка, надетая наискось.

— Красота, — сказал Гриша сам себе, потому что больше было некому. — Чем страннее башня, тем больше там магического хлама, который можно потом продать.

Эта мысль веселила Гришу, ведь он действительно собирался набить карманы не только гримуаром, но и всем, что попадетс под руку. В конце концов, чем больше интересностей там найдётся, тем больше будет денег.

Внутри вело окно второго яруса, гостеприимно приоткрытое. Гриша осмотрел его изда-лека и обошёл стороной. Приоткрытое окно в защищённой башне – это не окно, а приглашение на похороны. Он выбрал другое, глухо закрытое, час провозился с хитрой щеколдой и был вознаграждён: за гостеприимным окном, как выяснилось позже, пол отсутствовал в принципе.

Коридор первого яруса стерегли плиты, и одна из них сидела чуть выше соседних, на волос, но Грише хватило. Он прошёл по кромке у стены, прижимаясь к камню всем, чем ящер умеет прижиматься. На лестнице пыль лежала не везде: три ступени из десяти были чистые, вылизанные, и Гриша ступал только туда, где пыль лежала спокойно, десятилетиями. Пыль не врёт. Пыль его вообще никогда не подводила, в отличие от людей.

Настоящие неприятности начались на третьем ярусе.

Коридор там был прямой, короткий, с дверью в конце. Гриша прошёл его насквозь, толкнул дверь и вышел обратно в начало того же коридора. Постоял. Прошёл снова, уже внимательнее. Вышел в начало. Третий раз он прошёл, считая шаги, держась за стену и плюнув на пол для отметки. Плевок встретил его у входа, свежий и издевательский.

Гриша сел на пол и задумался.

Магия бывает нечестная, а с нечестным он умеет работать. Если коридор возвращает тех, кто идёт вперёд, рассудил он, надо не идти вперёд. Он поднялся, развернулся спиной к двери и пошёл задом наперёд, глядя туда, откуда пришёл.

Через двадцать шагов его спина упёрлась в дверь, которую он поспешил открыть.

— Так и запишем, — пробормотал Гриша, у которого тряслись колени, — дом сумасшедшего.

За дверью был верхний зал, круглый, с высоким потолком и пустой. Ни мебели, ни сундуков, ни ковров, только в центре стоял каменный постамент, а на постаменте лежала книга.

Гриша подошёл ближе и почувствовал, как у него шевелится гребень на загривке.

Книга была неправильная, как и вся башня, только хуже. Она менялась. Пока Гриша шёл к ней десять шагов, она успела побыть толстым томом в тёмной коже, тонкой тетрадью в металлическом окладе и чем-то средним, у чего углы не сходились с обложкой. Она меняла облик спокойно и без спешки, как человек переминается с ноги на ногу.

«Это и есть заказ», — сказал себе Гриша. Толстый том, переплёт тёмный, на постаменте один – всё сходится, кроме здравого смысла, но за здравый смысл не платят золотом по весу.

Он снял книгу с постамента, и ничего не случилось. Ни воя, ни вспышки, ни решёток. Книга легла в лапы тяжело и тепло и на ощупь была как живая, словно под переплётом что-то медленно дышало.

И вот тут Григссашшихх из рода Григссашшихх совершил ошибку, которую потом объяснял себе профессиональной добросовестностью, а всем остальным не объяснял никак.

Он открыл книгу, и страницы вспыхнули. Не огнём, а светом, у которого не было цвета и одновременно были все цвета сразу. Свет ударил Грише в глаза и прошёл сквозь них, сквозь голову, сквозь всё, что Гриша считал собой. И там, внутри, что-то хрустнуло.

Его сознание раскололось на тысячи кусков, как зеркало, уроненное с колокольни. Каждый кусок был им: в одном он крал первый кошелек, в другом ел рыбу, в третьем боялся темноты, в четвёртом уже умер, в пятом ещё не родился. Куски висели в пустоте, и между ними ходило что-то огромное, весёлое и совершенно безумное, разглядывало их, вертело, прикладывало друг к другу.

А потом оно собрало его заново, но не в том порядке, как было, а в том, какой гримуар посчитал забавным.

Гриша очнулся на полу зала. Книга лежала рядом, закрытая и невинная. В ушах звенело. Мир вокруг выглядел как раньше и одновременно чуть иначе, словно кто-то за время его отсутствия передвинул в мироздании всю мебель на палец влево.

Он поднял лапу. Между пальцами, потрескивая, проскочила крошечная фиолетовая искра, потом вторая. Гриша сжал кулак, подумал о искре, и искра послушно спрыгнула с костяшки на коготь и обратно.

Магия. У него есть магия...

Григссашшихх из рода Григссашшихх, карманник, взломщик и почётный должник трёх таверн, сидел на полу чужой башни и держал в лапе живую искру. В груди у него распирало что-то огромное и тёплое. Возможно, это было величие, возможно, изжога от сала. Он не успел разобраться, потому что почувствовал на морде что-то постороннее.

Он поднёс лапу к губе и потрогал.

Над верхней губой у него росли усы, которых утром не было. Длинные, тонкие, изящно загнутые на концах. Он скосил глаза, насколько позволяла анатомия, и разглядел цвет.

Фиолетовые.

Первой его мыслью было: «Красиво».

Второй: «Моя мама ослица всегда говорила, что хотела бы, чтобы он отрастил усы».

— Любопытно, — сказал спокойный голос за его спиной.

Гриша обернулся так быстро, как никогда в жизни, и это ему не помогло.

Посреди зала, в котором секунду назад никого не было, стоял человек. Невысокий, сухощавый, лет шестидесяти на вид, в халате цвета остывшей золы. Правый рукав халата был слегка подпалён, и хозяина это, судя по всему, не смущало. Лицо у него было вежливое, глаза спо-

койные, тёмные и очень внимательные, и в этом спокойствии было больше жути, чем в любых воплях.

— Вы открыли мой гримуар, — сказал человек. Без злости, просто с интересом.

— Я... Это... Комплектность...

— Роберт Бирнен, хранитель знаний, — человек чуть поклонился. — А вы, я вижу, читатель.

— Вы же в другом мире! — возмутился Гриша, и возмущение это было искренним. Его обманули в базовой комплектации заказа.

— Был, — согласился Бирнен. — Я вообще частенько странствую по мирам в поисках новых интересных книг, но всегда возвращаюсь. Это же мой дом, разве не очевидно, что я рано или поздно вернусь? Хотя, надо сказать, я действительно вернулся чуть раньше, чем планировал. Подумывал наведаться в родной Ауларон, посмотреть, как там дела у старых друзей.

Мужчина шевельнул пальцами, и воздух вокруг Гриши загустел. Ящер рванулся и понял, что висит в пустоте, оплетённый чем-то невидимым и плотным, как муха в янтаре. Книга выпала из лап и осталась висеть рядом.

Бирнен подошёл ближе, обошёл висящего Гришу кругом, как обходят статую в лавке, наклоняя голову то вправо, то влево.

— Поразительно, — сказал он наконец. — Этот гримуар открывали при мне четверо. Одного разорвало на куски, второй превратился в кучу плоти с щупальцами, третий лишился рассудка, а четвертый решил вывести в популярное на АТ философский трактат о скрытой силе почечных камней. Иными словами, тоже выжил из ума, возможно, даже хуже. А ты, маленький ящер, цел и невредим. Более того, я чувствую, что ты вобрал частицу первородного хаоса. Как это возможно?

— Я специалист, — прохрипел Гриша.

— Теперь да, — согласился Бирнен. — Теперь вы очень специальный специалист. Кто вас послал?

— Никто. Уж очень башня любопытная у вас, сразу видно, много ценного.

Бирнен посмотрел на него долгим взглядом и не стал спорить. Ложь его, кажется, не оскорбляла. Ложь была вне сферы его интересов, в ней теперь висел вниз хвостом один конкретный ящер с частицей хаоса внутри.

— Неважно, — сказал маг. — У нас ещё будет время всё выяснить, а пока меня тоже ждет работа.

Слово «работа» в его устах Грише сразу не понравилось, и, как выяснилось, совершенно заслуженно.

О следующих трёх днях Гриегссашихх из рода Гриегссашихх рассказывал неохотно даже самому себе.

Лаборатория Бирнена занимала весь нижний ярус, и порядок в ней был идеальный, что пугало отдельно. Гришу закрепили в металлическом кресле с зажимами, рассчитанными, судя по размерам, на кого-то покрупнее, и Бирнен любезно подложил ему под спину подушку. Эта подушка потом снилась Грише в кошмарах. Пытаться с комфортом оказалось страшнее, чем пытаться просто так.

Маг исследовал.

Он светил Грише в глаза кристаллами, от которых чесалось внутри головы. Он прикладывал к чешуе холодные пластины и подолгу записывал. Он задавал вопросы, на которые нельзя было ответить, вроде «что вы видите, когда не смотрите», и терпеливо ждал ответа. Он капал на Гришин хвост чем-то шипящим и считал вслух.

А ещё он жёг.

Первый раз, когда с ладони Бирнена сорвалась струя пламени и прошла по Гришиной лапе, ящер орал так, что с потолка посыпалась пыль. Было больно. Честно, по-настоящему больно, как и положено огню.

Второй раз было больно меньше.

Пятый раз Гриша почувствовал только тепло, словно лапу окунули в горячую воду. Он смотрел, как пламя обтекает чешую, не оставляя следов, и не понимал, радоваться или бояться сильнее прежнего. Хаос внутри него учился, перестраивал его под задачу прямо на ходу, деловито и без спроса, как портной, подгоняющий чужой костюм.

Бирнен был в восторге.

— Адаптация, — повторял он, бегая вокруг кресла с пером и тетрадью. — Полная соматическая адаптация! Ты хоть понимаешь, насколько это невероятно, ящер?!

Огонь он любил особенной любовью, это Гриша понял быстро и навсегда. Все прочие опыты Бирнен проводил с сухим научным интересом, но стоило в деле появиться пламени, и глаза мага теплели, голос смягчался, а движения становились почти нежными. Он мог четверть часа держать над ладонью язычок огня и просто смотреть, как тот танцует, забыв про висящего в зажимах подопытного. Один раз Гриша, набравшись наглости, спросил, зачем всё это. Бирнен ответил не сразу и очень честно:

— Я хочу знать, как устроено то, что горит. А для этого что-то должно гореть, но вот незадача, даже моя магия, которая преодолевает сопротивление огню, перестала работать. Занимательно. От этого я хочу жечь тебя ещё сильнее...

Григссашшихху от этих слов стало совсем не по себе, но он старался держаться. Да и кормили, надо признать, хорошо: трижды в день, сытно, с добавкой. Гриша ел за троих частично по старой привычке к весу, частично назло. Если ему суждено сгинуть в этой башне, он собирался сгинуть максимально тяжёлым.

Побег случился на четвёртый день, и случился он, как всё лучшее в Гришиной жизни, наполовину случайно.

Бирнен ушёл наверх за прибором, который называл флюге-чего-то-там-резонатором, и отсутствовал дольше обычного. Гриша висел в кресле и от скуки злился. Злился он на Армана с его усами, на весы, которых ему уже не видать, и на подушку под спиной. Злость копилась и копилась, пока не пошла искрами из пальцев.

Фиолетовые искры посыпались на невидимые путы, и путы зашипели.

Гриша замер. Потом, очень осторожно, разозлился ещё раз, уже прицельно. Искры побежали по плетению, как огонь по сухой траве, и там, где они пробегали, хватка слабела. Хаос ел чужую магию с аппетитом, знакомым Грише лично.

Дальше вступила профессия. Ящеринные суставы умеют то, о чём люди не догадываются, а зажимы Бирнен рассчитывал на людей. Понадобились десять минут злости, извиваний и один вывих, вправленный о подлокотник. После этого Григссашшихх из рода Григссашшихх стоял на полу лаборатории, свободный, дрожащий и предельно мотивированный.

Гримуар лежал на столе Бирнена, между тетрадями. Гриша сгрёб его не задумываясь. Заказ есть заказ, а он, что бы там ни говорили в трёх тавернах, профессионал.

Он уже бежал к лестнице, когда услышал стук.

Тихий, частый и отчаянный. Стучало из кладовой у стены, из деревянной коробки на нижней полке, из щелей которой сочился тёплый оранжевый свет. На коробке рукой Бирнена было выведено: «Образец 12. Не кормить».

Всё в Грише кричало бежать. Он был согласен со всем в себе. Лапы сами открыли крышку.

В коробке сидел огонёк. Маленький, с кулак, тусклый, он дрожал, жался в угол коробки и светился так слабо, словно экономил сам себя. Когда крышка открылась, огонёк сжался ещё сильнее, а потом медленно, недоверчиво подался вперёд, к Гришиной морде.

Гриша смотрел на него, и что-то в его свежесобранной хаотической душе повернулось.

— Знаешь что, — сказал Гриша огоньку, — пошли отсюда. Тут кормят хорошо, но компания так себе.

Огонёк мигнул и перелез ему на лапу. Чешую не обожгло. Хаос внутри Гриши и огонь в его ладони посмотрели друг на друга, если так можно сказать о вещах без глаз, и признали друг друга своими.

Обратный коридор Гриша пробежал спиной вперёд, не сбавляя хода, и до конца жизни будет утверждать, что это был самый странный забег в его карьере. Окно второго яруса, прыжок, кусты, темнота, бурьян. Отбежав на версту, он оглянулся и поднял к глазу линзу компаса.

Холм был пуст. Башня не показывалась даже линзе, словно обиделась.

Гриша выдохнул, сел в бурьян и разжал лапу. Огонёк выбрался на его плечо, устроился там и заискрил. Тихонько, тепло, вопросительно.

— Искорка, — сказал Гриша.

Огонёк мигнул. Возражений не поступило.

До города они добрались к рассвету. По дороге Гриша всё обдумал. К Арману с гримаром соваться было рано, сначала следовало понять, во что он вляпался, а понимал Гриша, по его собственной оценке, пока процентов десять. Отряду говорить было нельзя: начальник спросит, откуда, а на «откуда» у Гриши не было ни одной версии, за которую не сажают. Значит, требовалось тихое место, и для Искорки тоже. Тёплое, укромное, подальше от чужих глаз, где никто не ходит и ничего не случается.

Чердак старого доходного дома на улице Медников подошёл идеально.

Глава 4. Роберт Бирнен

Гриша закончил рассказ и нервно сглотнул, смотря на того самого мага, у которого он украл гримуар и который стоит, сложив руки, и пристально смотрит на ящера. Мне этот напыщенный тип не нравился, но, справедливости ради, причины злиться у него вполне веские. Я бы тоже злился, если бы у меня украли столь ценную вещь.

— Так вот куда делись три копчёных окорока из общей кладовой, — первой тишину нарушила Лалуна. — Наш ящер просто отжирался для того, чтобы потом захватить больше золота.

— Это была инвестиция!

— А ты бы с нами поделился? — прищурился Анкурик, подходя к нему поближе.

— К-конечно!

— Он врет! Врет, как хафлинг! — фыркнул полуэльф.

— С чего ты взял?!

— Да с того, что у тебя усы цвет поменяли!

— А? — удивился Гриша.

И ведь действительно поменяли. Когда Гриша соврал, усы стали красными, но уже спустя пару секунду вернули фиолетовый цвет.

Бабай молчал дольше всех. Орк сидел на обломке стены, смотрел на Искорку, которая почему-то теперь выглядела как кошка, дремавшую у Гриши на коленях, и лицо у него было такое, какое бывало только перед серьёзной молитвой.

— Хаос – это плохо, — покачал головой Бабай, прикладываясь к фляге. — Те, кто с ним связываются, обычно плохо заканчивают.

— Обычно мне чужда философия паладинов, — внезапно влез Роберт, заставляя орка нахмуриться ещё сильнее. Оставалось молиться, что сейчас у него не сработает буйство во время очередного глотка и он не кинется на мага с кулаками, а то прецеденты уже бывали, — но в этом я полностью согласен. Но тем интереснее его исследовать.

Зевак стража уже оттеснила за угол, цепь с ведрами разошлась по домам. На пепелище остались мы, Лерой с пустым ведром, которое он так и не решился поставить, и тощий водный маг из управы, от которого было удивительно мало толку.

— Ладно, — заговорил я, — теперь мы знаем, кто вы. Но что вам нужно?

— Разве ещё непонятно? Мне нужен гримуар и мой подопытный, — Роберт указал рукой на Гришу, который теперь уже не нервно сглотнул, а буквально икал.

Отряд пришёл в движение без единой команды.

Бабай поднялся с обломка и сдвинулся на полшага, закрывая Гришу корпусом. Лалуна уже стояла с луком, и стрела легла на тетиву так естественно, словно выросла там. Ладони Анкурика засветились фиолетовым. Икота у Гриши прекратилась, что при его комплекции означало высшую степень ужаса: организм экономил воздух на побег.

— Ящер наш, — прогудел Бабай, негромко и очень окончательно. — А мы, как бы, своих не бросаем, так что кем бы ты там ни был, сможешь забрать его только через наши трупы.

— Ящер вор.

— Наш вор.

Лалуна натянула тетиву на четверть. Ровно настолько, чтобы это было заявлением, а не выстрелом.

— Один выстрел, и стрела окажется у вас точно промеж глаз, — сказала она, — господин Гоберт.

— Лалуна, не думаю, что стоит коверкать его имя, — возразил я.

— А его разве не так зовут? — тонкая бровь эльфийки слегка приподнялась.

— А мне достаточно лишь дернуть пальцем, и вы все превратитесь в угольки, — на лице мага возникла какая-то неприятная, полубезумная ухмылка, и что-то мне подсказывало, что он действительно может расщепить нас на атомы. Уж слишком легко он потушил столь серьезный пожар.

Пора было вмешиваться, пока стороны не перешли от обмена любезностями к обмену опытом. Я шагнул вперёд с пустыми руками. Револьвер остался в кобуре: после боя я не зажёл бы маной и свечку.

— Господин Бирнен, предлагаю решить вопрос без насилия. Вы действительно вправе требовать свою собственность, и мы вернем вам гримуар, но вот Гриша — уже часть нашей команды, и просто так отдавать его вам на опыты мы не собираемся. Тем более что вы тоже нарушили некоторые законы.

— Я? Нарушил?

— Незаконное удержание сотрудника гильдии сроком четверо суток, опыты над разумным существом без его согласия, систематическое причинение боли, — я достал блокнот и раскрыл его, не глядя. Блокнот в переговорах работает лучше меча, проверено.

— Он вор, — холодно заметил маг.

— Да, и вы должны были вызвать стражу, которая его арестует. То, что делали вы, зовется самоуправством.

Маг вздохнул с видом человека, у которого отбирают любимую игрушку по абсолютно законным основаниям.

— Хорошо. По подопытному, считайте, что мы в расчёте. Где книга?

За спиной Бабая завозились.

— Гриша, — сказал я, — где книга?

— В надёжном месте.

— Гриша.

— В очень надёжном!

— Гриша!

— В бочке! — сдался ящер, высовывая из-за орка одну морду. — С солониной! На Овдо-вице! Ей год, её никто в жизни не откроет! Это лучший сейф в этом городе!

Повисла пауза. Бабай медленно повернул голову.

— Я эту бочку позавчера за борт выкинул.

— ЧТО?!

— Она жуть как воняла. Мы ещё во время плавания все гадали, чем пахнет, и вот нашли.

— Так в этом и суть! — встрепнулся Гриша. — Лучший сейф — это тот, к которому никто не захочет подходить!

Усы у Гриши при этом оставались фиолетовыми, и я с тоской отметил, что про сейф он говорит чистую правду. В его картине мира это действительно был сейф.

Бирнен слушал перепалку с выражением естествоиспытателя, наблюдающего брачные танцы редкого вида. Потом он поднял ладонь, и все в этот момент мгновенно заткнулись, ощутив странное воздействие неизвестной магии.

— Книгу доставите завтра до полудня. Мне плевать, как, но вы сделаете это. А ещё...

Он посмотрел на огненную кошку.

Кошка проснулась, потянулась, выгнув пламенную спину, и уставилась на мага. Гриша сгрёб её с коленей и прижал к груди.

— Не отдам, — сказал он тихо и без визга, и это прозвучало серьезнее любого крика. — Что хотите делайте, но её я ни за что не отдам!

Бирнен подошёл ближе. Бабай напрягся, но я качнул головой, и орк остался на месте. Маг вытащил из кармана халата маленькую лупу на медной ручке, поднял его к Гришиной груди и

заглянул. Долго смотрел, наклонял голову вправо, влево. Огненная кошка на него беззвучно шипела, одним паром.

— Так я и думал, — сказал он наконец и убрал зеркальце. — Привязка полная... Досадно. Искорка Семнадцать была перспективным образцом, у меня на неё были планы, но снять эту привязку можно, лишь раздавив ящера.

— Мы уже сказали, что не позволим этого, — угрожающе напомнил Бабай, сжимая кистень.

— Остынь, паладин, — хмыкнул Бирнен. — В динамике он мне, пожалуй, даже интереснее. Кстати, вы заметили форму? Стихийные существа не имеют формы. Форму им даёт то, к чему они привязаны. Элементаль не обладал формой кошки, пока не оказался привязан к ящеру.

— У ящера вообще-то есть имя, — обиженно буркнул Гриша, но стоило Роберту перевести взгляд своих холодных голубых глаз на него, как тут же заткнулся.

— И все же у меня есть условие.

— Какое? — спросил я.

— Ящер и элементаль должны приходить раз в неделю в мою башню, чтобы я сделал контрольные замеры.

— Вот ещё, я туда не ногой!

— Это не просьба. Если не явишься добровольно, то я приду за тобой сам, — маг наклонился над Гришей, отчего, казалось, ящер сейчас обделается.

— А теперь, — сказал Бирнен, и голос его поменялся, — главное.

Он вынул из рукава латунный компас. Тот самый, со стрелкой из тёмного стекла и линзой в крышке. Я узнал его по Гришиному описанию, и Гриша, судя по тому, как дёрнулся, тоже. Компас остался в башне вместе со всем прочим снаряжением, и вот теперь лежал на ладони мага как вещественное доказательство.

— Знаете, что это?

— Ключ к вашей башне, — сказал я.

— Ключ к моей башне, — Бирнен покатал компас на ладони. — Я сделал два таких. Первый у меня, второй считался уничтоженным двадцать лет назад. И вот он всплывает в лапах у вора, более того, вор оказывается осведомлен о хаотическом гримуаре. Меня интересует, откуда у человека по имени Арман Плут ключ, которого не должно существовать, и кому на самом деле понадобился мой гримуар, потому что сам Плут явно заказчиком не является.

— И вы хотите...

— Вы же искатели приключений, — маг обвёл нас взглядом: орка, эльфийку, полуэльфа с гаснущими лезвиями, ящера с огненной кошкой на руках. На последних взгляд задержался, и в нём мелькнуло что-то почти похожее на одобрение. — Вот вам приключение: найдите Армана Плута, выясните, на кого он работает и зачем им проводник хаоса. Принесёте мне имя, и мы в расчёте окончательно.

— А если не найдём? — спросил Анкурик.

— Найдёте, потому что если через месяц не найдёте вы, искать начну я. А я ищу неаккуратно. И если попутно будут стерты город-другой, то так тому и быть.

— Уверены, что потяните? — агрессивно уточнил Бабай, все ещё сжимая палицу в руках. — Мы ведь в стороне стоять не будем, да и другие искатели тоже.

— Я маг девятого круга.

— Н-но кругов всего семь, — пискнул сзади водный маг из управы.

Мы все про него забыли. Он так и сидел на своей бочке, тощий, мокрый, с картиной мира, которая сегодня трещала по швам, и профессиональная честность оказалась в нём сильнее инстинкта самосохранения.

Бирнен медленно повернул к нему голову.

— В этом мире, — сказал он и недобро усмехнулся. Первый раз за вечер его вежливое лицо показало, что лежит под вежливостью, и лучше бы не показывало. — Правда хотите узнать, на что я способен?

Водный маг попытался сесть глубже в бочку. Бочка была без воды, но он попытался.

— Н-нет.

— Разумный ответ. Учитесь, молодой человек, у вас хорошие инстинкты.

Бирнен повернулся к нам. Тлеющие угли по всему пепелищу разом налились светом, огоньки поднялись над пеплом и потянулись к нему, оплетая фигуру тёплым дрожащим ореолом. Огненная кошка на руках у Гриши села и проводила их взглядом. С завистью, по-моему.

— Месяц, господа. Книга завтра до полудня. Ящер с Искоркой ко мне через неделю, — маг помолчал и добавил почти любезно: — Приятно было познакомиться.

Он не ушел. Просто исчез, растворился, не оставив после себя ни следа.

Некоторое время все молчали, потом Лерой наконец поставил своё ведро.

— Господин Ёр, — сказал он слабым голосом, — а это в отчёт как записывать?

— Никак, Лерой. Отчёт я напишу сам.

Вечером я сидел в своей каморке и заводил папки.

Первая получила надпись «Плут, Арман». В неё легли описание внешности со слов Гриши (усы, эспаньолка, честное лицо), способ вербовки, задаток в пятьдесят золотых, обещание оплаты по весу и главная строка, подчёркнутая дважды: знал полное имя, знал про башню, имел ключ, которого не должно существовать.

Вторая папка получила надпись «Бирнен, Роберт». В неё я записал всё, что видел и слышал, честно и по порядку. В конце вывел «маг девятого круга», и сразу вспомнились его слова про другой мир.

Страшно представить, на что действительно способен этот человек и какой силой обладает. Может ли он и впрямь стереть город с лица земли? Я крайне примерно представляю силу магов седьмого круга, но даже если попытаться, то выходит, что он на две головы превосходит самого сильного мага этих мест.

Скверно... Очень скверно...

За окном темнел город, который мне предстояло спасти от вежливого человека в подпалённом халате. Где-то в этом городе прячется человек с честными усами, работающий на кого-то, кто знал про башню Бирнена больше самого Бирнена.

Могло ли это быть связано с культом? Мы ведь так и не разрешили данный вопрос...

Я задул лампу.

Так у нас появилось новое приключение. Мы его, как обычно, не искали. Оно пришло по адресу само.

Глава 5. Хафлингово семя

Бочки на месте не оказалось.

— Я же сказал, что выкинул её, — развел руками Бабай, чувствуя некоторую вину. — Кто ж знал, что в ней что-то было. Я даже внутрь заглянул, пусто там.

— Там потайное дно было, — печально вздохнул Гриша.

— Бабай, давай конкретнее, куда ты её выкинул?

— Ну-у-у-у... — орк задумался. Кажется, в тот момент он был не совсем трезв, и ему требовалось особые усилия, чтобы восстановить последовательность событий. — Помню, что Лалуна сказала, что её жутко раздражает запах на Овдовице, и что она не даст, если я от него не избавлюсь...

— Что не даст? — не понял Гриша, а вот орк как-то уж совсем странно ухмыльнулся.

— Вот женишься и узнаешь.

— Пф-ф-ф-ф...

— Бочка, Бабай, — напомнил я.

— Да-да, — отмахнулся он. — На пирс выкинул, к мусорным мосткам. У нас за борт кидать нельзя, портовый сбор, я законы знаю, а оттуда вроде вывозить должны.

Я медленно сел на ступеньку трапа. В бочке, которую Бабай законопослушно выставил на мусорные мостки, лежал гримуар, пересобирающий живых существ в забавном порядке. Гримуар следовало доставить магу девятого круга сегодня до полудня. На часах гильдейской башни только что пробило семь.

— Бабай...

— Да понял я, понял. Пойдем посмотрим, может, мусор ещё не вывозили. Это раз в неделю обычно делается.

На мусорных мостках бочки, разумеется, не оказалось. Зато были следы: широкая полоса, продавленная в портовой грязи, вела от мостков вдоль складов и ныряла вниз, к сливным тоннелям. И это было крайне неожиданно, ведь остальной мусор, который выставляли моряки, судя по всему, был ещё на месте.

— Тц... Вот же зараза... — только и оставалось досадливо цокнуть языком. — Кажется, нам придется прогуляться по канализации... Гриша.

— Он смылся, — сообщил Анкурик.

— Стоп, что?!

И действительно, ящер с огненной кошкой, который ещё пару минут назад стоял рядом, исчез.

— И ты ему не помешал?!

— А должен был? — фыркнул полуэльф. — Меня никто не назначал его сторожем. Моя задача — карать хафлингов, а не следить за скользкими ящерами. Мне этот Гриша вообще не нравится.

— Тебе вообще никто не нравится, — холодно отметила Лалуна.

— Не буду спорить, — согласился Анкурик. — Хотя ты очень даже ничего. Не будь ты замужней женщиной, непременно бы приударил.

Я ожидал, что Лалуна бросит что-то острое вроде: «Ростом не вышел для меня», — но вместо этого она внезапно потрепала Анкурика по волосам. Бабай на это никак не отреагировал, куда больше его интересовало, хватит ли содержимого фляги на поход.

— Дальше без меня, — сообщила нам Лалуна, когда поняла, куда именно идет наша дорога. — Я слишком люблю свои сапоги и нос, чтобы лезть в подобные дыры.

— Но без тебя мы след не найдем, — возразил Бабай.

— Ничего не могу поделать, милый, поищите кого-нибудь другого с нюхом.

— Тогда, — сказал Бабай, и лицо его просветлело, — нам нужна Муся.

Мусю мы нашли в Ржавом якоре, и нашли её уже готовой.

Не в смысле готовой к работе. Кошкодевочка сидела за угловым столом в обнимку с кувшином, смотрела сквозь стену и покачивалась в такт музыке, которой не было. На предложение поработать носом она согласилась мгновенно и на удивление дёшево: бочонок тёмного по завершении.

Только вот проблема, кошка была совсем не в кондиции...

— Кажется, меня ноги не держат, ик... мяу...

— И как тогда ты сможешь нам помочь? — нахмурился я. — У нас нет времени ждать, пока ты протрезвеешь.

— Кому-то придется меня нести, хи-хи, ик... мяу...

Бабай молча поднял её и посадил себе на плечо. Муся устроилась там, обвила хвостом его шею вместо шарфа и махнула рукой вперёд, как полководец.

В итоге в канализационный поход выдвинулись я, Бабай, Муся, Анкурик и Бьёрн. При чем наличию последнего я был немного удивлен.

— Мне всё равно нечего делать, — пожал он плечами, когда я решил узнать, почему он вдруг решил влезть в это дурнопахнущее дельце.

— А русалка?

— Сюзанну я отпустил, — вздохнул парень печально.

— Серьезно?

— Ну а что ещё с ней делать? Давно надо было на самом деле. Я ж не настолько ужасен, чтобы держать её в плену вечно. Просто надеялся, что она поймет, что мы начали знакомство не с той ноги... Ну или плавника... Ну ты понял, короче.

— Да, понял. И думаю, что ты поступил правильно. Надеюсь, что она вернется к своим и...

— Она остаться решила.

— Что?..

— Ага, решила обосноваться в местном порту и заодно перекусить.

— Она ведь людоед...

— Ну... да... технически... Но думаю, Сюзанна будет хорошо себя вести. И даже если пропадет парочка бродяг, то никто...

— Ты себя слышишь, Борь?..

— Просил же меня так не называть, — огрызнулся он. — И никого она не съест. Я не серьезно это говорил, но вижу, шуток ты не понимаешь.

— Извини, но с вашей компанией шутки очень часто становятся совсем не шутками.

И на этом обсуждение русалки закончилось. Сейчас определенно было не до этого, а уж если она действительно натворит дел, то мы обязательно решим данный вопрос.

Спуск в канализацию Финдала находился за рыбными складами: круглый каменный лаз с ржавой лестницей и запахом, который встречал гостей за десять шагов до входа. Я в жизни нюхал разное. Я нюхал гоблинские трофеи после недели в мешке, штормовой трюм и Гришину заначку сыра. Финдальская канализация уверенно возглавила список с первой секунды, и я мысленно расписался в том, что список закрыт: хуже не будет.

Забегая вперёд, скажу, что расписался я рано.

— Муся, работаем, — сказал я, когда мы спустились и встали на скользком карнизе вдоль тёмного канала. — Где бочка?

Муся на плече Бабая приоткрыла один глаз, повела носом, икнула.

И указала пальцем во тьму:

— Туда. Оттуда гадкий смрад бочки чую я...

Палец у неё был уверенный, как стрелка компаса. Всё остальное уверенным не было: сама Муся при этом смотрела в противоположную сторону и, по-моему, спала.

— Муся. Ты уверена?

— За пальцем следуйте вы, и бочку обретете...

— Как-то она странно разговаривает, — хмыкнул Бьёрн.

— С ней такое случается, — кивнул Бабай. — Когда переберет, у неё фразочки странными становятся, но я уже подпривык.

Канализация Финдала оказалась просторнее, чем я думал, и обжитее, чем мне хотелось бы.

Вдоль главного канала тянулись карнизы, от них ветвились боковые тоннели. В нишах то и дело попадались следы жизни: тряпье, кострища, ящики, расставленные со смыслом. Город под городом, со своей экономикой. Я профессионально прикинул её объём и решил никогда не озвучивать эту прикидку Боргману: он бы захотел обложить её сбором.

Муся вела уверенно. На развилках её палец разворачивался, как флюгер, иногда раньше, чем мы доходили до развилки. Один раз она молча показала вверх. Бабай, не задумываясь, пригнулся, и над его головой прошла провисшая балка. Я шёл следом и, разумеется, приложился об неё лбом.

— А меня предупредить? — буркнул я, потирая ушибленный лоб.

— Совета мудрого коль обрести желаешь, напитком чудным нужно поделиться.

Минут через двадцать пути Бьёрн вдруг сказал:

— А где Анкурик?

Мы остановились, я обернулся. Позади был карниз, тьма и канал, а полуэльфа не было.

— Анкурик!

— Я ТУТ, — донеслось из бокового тоннеля шагах в тридцати позади. — НЕ ОРИТЕ. Я ПРОВЕРЯЮ.

— Что ты проверяешь?!

— Движение тут было какое-то, — сообщил он, когда мы немного отошли назад, чтобы посмотреть, что он нашел. — Вон в той куче мусора.

— Думаешь, там прячется хафлинг?

— Возможно, или как минимум тот, кто считает хафлингом меня. Я прям чувствую жжение от этой мысли вот тут.

— Там не сердце, Анурик, — хмыкнул Бьёрн.

— Я знаю.

— Ну давай проверим, — вздохнул я, смотря на гору мусора в углу этой ниши без особой радости. Там стояла пара мелких покореженных ящиков, сломанная бочка и просто какой-то набросанный на них мусор. — Ты ведь не уйдешь, пока не проверишь?

— Именно! — ухмыльнулся полуэльф. — ПСИБЛЕЙДЫ!

С его рук сорвались фиолетовые клинки, которые разнесли кучу хлама на ещё более мелкий хлам, но очевидно, что среди него никто так и не прятался.

— Там никого нет, — отметил Бьёрн. — Тебе вновь показалось.

— Странно это... Я был уверен... — Анкурик подошел к куче и пнул её ногой, а затем даже не побрезговал порыться в ней, пока не вытащил...

— Да хранит нас Фин, выброси эту дрянь! — скривился я при виде того, что вытащил полуэльф.

Анкурик держал перед собой нечто, что прежде, возможно, считалось одеждой. Теперь оно больше напоминало пласт городской истории, который случайно обрёл рукава. Грязь на нём успела высохнуть, намокнуть, снова высохнуть и, судя по запаху, начать новую жизнь.

— Подожди, — Анкурик встряхнул находку. Из складок посыпалась серая труха. — Фу, это словно хафлинга одежда. Они такое любят.

— Не думаю, — покачал головой Бьёрн, но спорить с Анкуриком в вопросах хафрингов так же бесполезно, как просить Бабая не пить.

Анкурик повернулся к Бабаю.

— Вдарь по ней святой магией.

Орк перестал оценивать остаток во фляге и посмотрел на одежду.

— Зачем?

— Затем, что от этой дряни нужно очистить землю.

— Просто выкини эту штуку, и пойдем, — вздохнул я.

— Если эту вещицу правда носил хафлинг, то я не могу её просто так бросить. А что если её кто-нибудь найдет? Или вообще оденет.

— Сильно сомневаюсь, — покачал я головой. — Если так хочешь, давай я потрачу огненную пулю и сожгу её? Тогда ты будешь доволен?

— Нет, тут нужна святая сила! — настаивал Анкурик. — Эта вещица, вне всякого сомнения, несет в себе тьму хафлингов, а разве долг паладина не уничтожить тьму?

Я посмотрел на Бабая. Тот вздохнул, понимая, что спорить мы можем до посинения и проще согласиться. В конце концов, именно так Анкурик обычно и побеждал здравый смысл. Не аргументами, а готовностью заниматься одним и тем же безумием дольше всех остальных.

— Ладно, брось её на землю и отойди.

Полуэльф с готовностью швырнул находку обратно на кучу и отступил к нам. Бабай убрал флягу, снял с груди символ Спотыкающегося бога и недовольно осмотрел лохмотья, словно они лично оторвали его от важного религиозного занятия.

— Да сгинет скверна перед взором твоим, — пробормотал он, подняв символ. Подумал и добавил: — Если она тут вообще есть.

По латунному ободу пробежал золотой свет. На миг показалось, что ничего не произойдет, но затем в одежду ударила короткая молния. Куча вздрогнула, разлетелась на горящие клочья, а по тоннелю потянуло палёной шерстью и ещё неким запахом, которому я не хотел подбирать название.

Анкурик довольно кивнул.

— Вот теперь можно идти.

— Рад, что мы спасли город, — сказал я, проверяя, не загорелся ли мусор вокруг. — Осталась сушная мелочь: найти бочку с гримуаром до того, как полоумный маг не решит уже нас испепелить за невозвращение потерянной книжки.

Мы уже стали уходить, когда я краем глаза уловил движение. Один из обгоревших рукавов неожиданно шевельнулся.

Сначала я решил, что ткань просто осела, но затем из неё вырвался тонкий чёрный червяк длиной с палец. Для своего размера он двигался удивительно быстро. Тварь скользнула между камнями, оттолкнулась от обломка ящика и прыгнула Анкурику на сапог.

Полуэльф заметил её слишком поздно. Он успел дёрнуть ногой, но червяк уже добрался до голени, впился в кожу над краем сапога и исчез внутри.

Анкурик замер. Под его кожей появилась тонкая тёмная полоска и начала подниматься вверх.

— РЕЖЬТЕ НОГУ! — заорал он.

— Успокойся! — я ухватил его за плечи, пока он не успел сотворить очередную глупость. — Бабай сейчас посмотрит.

— НЕЧЕГО ТУТ СМОТРЕТЬ! ОНО УЖЕ ВНУТРИ! РЕЖЬТЕ!

— Никто тебе ногу резать не будет, — рявкнул Бабай, опуская Мусю. — Сядь и не дёргайся, я и не такое вылечить могу, если необходимо.

Кошкодевочка соскользнула с его плеча, уселась возле стены и привалилась к ней спиной. Судя по тому, что глаза она так и не открыла, происходящее её совершенно не беспокоило.

Бабай тем временем заставил Анкурика сесть на уцелевший ящик, задрал штанину и прижал ладонь к месту укуса.

Золотой свет растёкся вокруг его пальцев. Рана закрылась почти сразу, но тёмная полоска под кожей никуда не исчезла. Напротив, она дёрнулась и поползла дальше к колену.

Бабай нахмурился, усиливая сияние.

— Как странно, — сказал он через несколько секунд. — Моя сила на него не действует, хотя я этой силой разных паразитов изгонял, а тут не работает...

— Это хафлингово семя! — Анкурик посмотрел на нас так, словно только он понимал всю серьёзность происходящего. — Оно во мне! Режьте ногу, пока оно не поразило мой мозг!

— Не преувеличивай.

— НЕ ПРЕУМЕНЬШАЙ! — взвизгнул он, и его всего затрясло. — Ты и понятия не имеешь, с каким злом мы тут столкнулись!

Пока мы спорили, тёмная полоска добралась до колена и исчезла под тканью штанов. Анкурик тоже это заметил. На его пальцах вспыхнул фиолетовый свет, и в ладони начал формироваться психический клинок.

— Если вы не хотите это сделать, то я сам! — с какой-то безумной, маниакальной улыбкой заявил он.

— Даже не думай! Анкурик, не сходи с ума!

— Это вы тут безумны, если думаете, что у меня есть хоть один шанс выжить. Нет... Хафлингово семя не пустит корни во мне... НИКОГДА!

Я попытался перехватить его руку, но Анкурик вывернулся. В другой ситуации я бы просто позвал Бабая, однако орк сейчас держал ладонь на ноге полуэльфа и пытался понять, куда делся червяк. А ведь тот и впрямь делся, видимо, ушел глубже, и теперь на коже его видно не было.

Бьёрн до этого наблюдал молча, но когда фиолетовый клинок окончательно сформировался, шагнул ближе и схватил Анкурика за запястье.

— Я отрежу.

На несколько секунд стало тихо.

— Что? — переспросил я.

— Ногу, — спокойно уточнил Бьёрн. — Я отрежу.

— Вот! — обрадовался Анкурик. — Хоть один разумный человек!

— Вы оба психи.

— Возможно, — согласился Бьёрн. — Отойдем на минутку?

Мы действительно отошли, попросив Бабая не давать нашему полуэльфу сделать какую-нибудь глупость.

— Если мы ему помешаем, он всё равно раскромсает себя при первой возможности, — сказал мне Бьёрн. — Всерьез хочешь смотреть, как он тут устроит кровавую бойню со своей конечностью?

— Это нога, Бьёрн! Нога нашего товарища! Ты хочешь, чтобы он остался калекой?

— Да брось, — рассмеялся он, — мы в мире магии. Конечно, это обойдется дорого, но ногу мы ему отрастим. По правде сказать, я сам руку однажды терял.

— Стой... что? Ты терял руку?

— Ага, как раз во время первой миссии с Бабаем и Лалуной. Нас тогда вообще всего трое было. Ну и... — он осекся. — Потом расскажу, в общем. Я просто хочу сказать, что даже если отрежем ногу, ничего страшного не случится. Может, вообще заберем отрубленную и дадим целителю, чтобы тот её обратно прирастил. Такое тоже делают, и это будет дешевле, чем выращивать новую. Главное — коротышке не говорить, что это его старая нога.

— А червь?

— Да ерунда.

- Вы все просто психи, — всплеснул я руками. — Делайте, что хотите!
- Привыкай, у нас такое дерьмо часто происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.